

Общая газ - 2000 - 3.9 кв.м - с. 14

В ДОМЕ архитекторов вместо стендов, где располагались когда-то макеты и проекты, стоит теперь фонтан «под мрамор». С породистым зданием он никак не связан — просто реклама одной из фирм, населивших Дом. А вот с темой разговора с Андреем ГОЗАКОМ, известным архитектором, историком зодчества, вполне соотносится.

— Андрей Павлович, мы пишем друзьям за границу: «Москва очень изменилась», и это правда. Но перемены, если приглядеться, странные, словно в зыбкой версии «как мы жили бы, не случись октября 17-го».

— Отдаем дань прошлому, которое разрушили и перед которым теперь преклоняемся, потому что нам то время нравится. Начало века — взлет колоссальный, подобного уровня градостроительства у нас никогда не было. «Кабанчик», плитка облицовочная, до сих пор не сыплется, а что с ней только ни делали, даже масляной краской замазывали, краска слезала, «кабанчику» хоть бы что.

Ну, а еще есть нынешняя мода на внешнее богатство, жить «как раньше» — с мрамором, лепниной, позолотой. Архитекторы, которые не работают в модной стилистике, жалуются на заказчиков, которые как один просят сделать им «красиво», а красиво — это балюсы, орнаменты, капители. Так вот и вышло, что эталоном современного строительства стал дореволюционный особняк в стиле модерн.

— Перемены соотносятся, в основном, со старой частью города. Чем ближе к центру — тем мощней заказчик?

— В начале 90-х произошел качественный скачок: решили заняться центром города. Центр умирал. Конторы и приезжие, сонное царство, оно, правда, и сейчас сонное — мало мест, где идет интенсивная жизнь. И когда в центр потекли деньги (не будем говорить какие), возникла предпосылка оживить его, вернуть людей. Раньше средств на это не было: реконструкция всегда дороже нового строительства — подземные исторические пласты, «геология», которой мы никогда не знаем, и так далее.

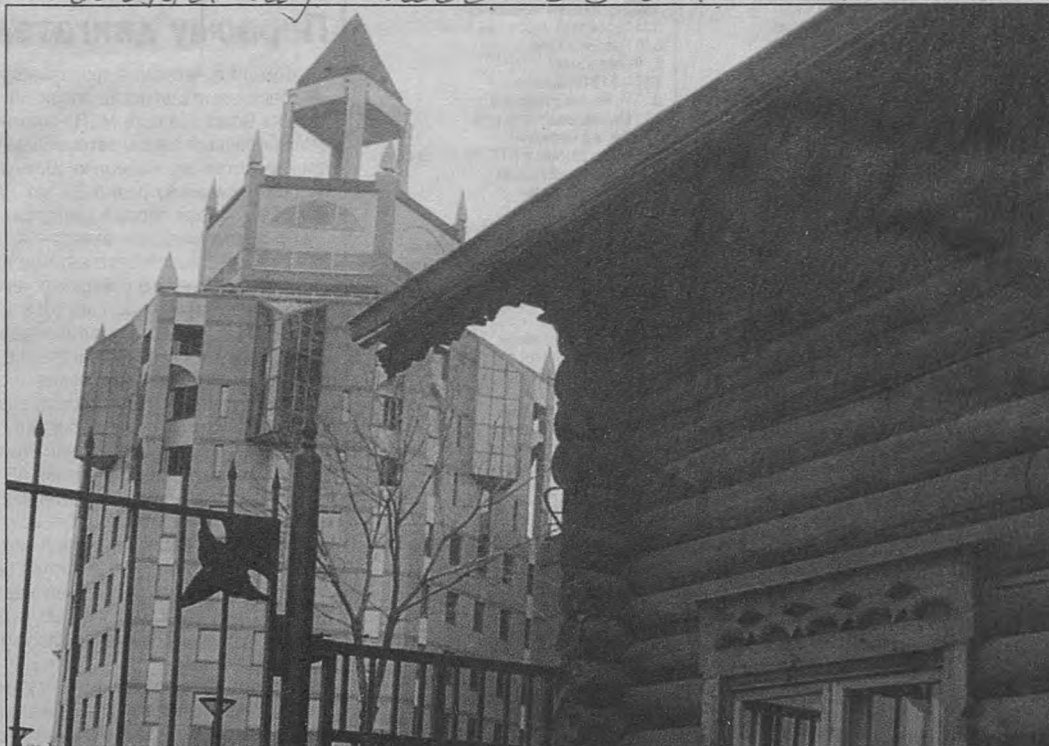
Это был хороший момент. И многое сделано. Но, к сожалению, сделана та часть, против которой все сейчас и встают. Коммерческая линия — не важно торговая ли, увеселительная — возобладав, стала распухать, и в результате мы видим то, что видим.

— Но ведь не может быть, чтобы новые идеи воплощались в центре бесконтрольно, просто так.

— Нормативная регламентация существует, но тот, кто владеет деньгами, делает практически все, что хочет. На недавней встрече архитекторов с Лужковым и Ресниным прозвучало: в последнее десятилетие в Москве разрушено подлинников больше, чем прежде. Официальная охранная позиция есть, но во время реконструкции многое надстраивается, ломается, уничтожается, двухэтажное здание превращается в четырехэтажное. Новодел — понятие страшное в этическом смысле, поскольку новодел в историческом центре — не более чем муляж.

С одной стороны, архитекторы получили возможность, о которой мечтали — строить в старой части города, с другой — оказались рабами золотого тельца.

— А раньше — рабами социального заказа, когда проектировали квартиры под разводы и другие житейские неурядицы...

Старая Москва на фоне новой

Вперед, в 1916-й

Миражи и муляжи градостроительства

— Старое градостроительное законодательство сплошь состояло из запретов. Однако свободное молодое поколение, которое сейчас в Москве и строит, заинтересовано, к сожалению, только в прибыли и быстрой реализации проектов. Я не идеализирую прошлую эпоху, но в ней, прошедшей, существовала внутритворческая жизнь, споры — куда двигаться, как строить. Сейчас коммерция победила, и творческая жизнь замерла. Идет торговля. Ничего страшного в этом нет, Запад живет так же, но на Западе есть верхний слой профессионалов, который не зависит напрямую от заказчика и денег. Крупные имена не любят голую коммерции, отказываются заниматься ресторанами и казино. Они высокомерны в хорошем смысле этого слова. У нас такой элиты нет.

— Ну а вдруг и здесь подрастает где-нибудь будущий Баженов...

— Думается, талантов во все времена рождается примерно одно и то же количество. В этом смысле дырок, пробелов не бывает. Бывают пробелы в реализации — время и нации либо содействуют таланту, либо нет. У нас сравнительно недавно случился прорыв изобретательности и новизны в «бумажной архитектуре», которая всемирно прославилась. Но из того, что было нарисовано, ничего не построено, и эти архитекторы выпали из нашей культуры.

— Как бы вы перевели на общемо-московский пресловутые башенки?

— Двойко. Как покаяние архитекторов за общую долгую нелюбовь к прошлому. Как внутреннюю зависть заказчика к Богатству. Но, в любом случае, очевидно, что, увлекшись историзмом, мы потеряли дух времени. Мир строит по-другому, без исторических цитат и экскурсов, там — взрыв новаций, нет уже зеркальных поверхностей внешних стен, и сами стены стали прозрачными и многослойными. Корбузе еще в 20-х годах предлагал тепловые завесы вместо стекол. Если дом стоит

среди природы, вы вообще не замечаете, что находитесь в здании. Современные высокие технологии дали сильнейший импульс архитектуре. Мы не отстали от Запада — просто повернули назад, пытаемся войти в ту же реку дважды. Но, думаю, что и мы встанем на общемировой путь, хотя проблем достаточно много и Запад не идеал.

— Какой путь строительства был бы, с вашей точки зрения, для Москвы предпочтительным?

— Москва — город странный, очень странный, более странный, чем, скажем, Париж или Нью-Йорк, в силу пересечения и очень

высокого, и очень низкого. Раньше говорили «Москва — большая деревня», а одновременно она хочет быть третьим Римом. В ней имперские амбиции и параллельно — грязные улицы.

Никто не занимается дворами. А вот в Стокгольме или Хельсинки строят между домами внутренние дворы с искусственным климатом, чтобы северянам жилось уютнее. Есть архитекторы мирового уровня, которые городскому грохоту, движению, миганию, морганию противопоставляют архитектуру тишины, создают тихие уголки, оазисы. Как ни странно, такая архитектура

ра очень популярна у экспрессивных испанцев, несмотря на то, что у них был Гауди. Они сейчас любят простую архитектуру чистых поверхностей, где во дворе стоит одно дерево или один цветок.

Можно ведь и так, человечно, относиться к городу, не увлекаясь без меры строительством штучного жилья, отелей и банков.

— У истории не бывает сслагательного наклонения, но, может быть, вы пытались прогнозировать, как выглядели бы наши города, не считая советское летосчисление?

— Что могло бы быть или будет, сказать невозможно. Есть ситуация общечеловеческая и общемировая, а в ней контекст архитектуры. Индивидуальности могут быть разными, экспрессивными, как, например, испанцы, или сдержанными, лаконичными, как финны или японцы. Россия потеряла свой, что называется, национальный менталитет. Непонятно даже, какие мы — спокойные, а может, экспансивные.

Есть малочисленная группа архитекторов, думающих об этом. И заказчики попадают к понимающим хотя бы, что дерево лучше пластмассы, маленький уютный дом лучше большого пустого и что жить по средствам благороднее, чем шиковать по-купечески.

— Удастся ли вам самому наладить компромисс с заказчиками?

— Либо предлагаю то, что считаю возможным в рамках своих принципов, либо отвергаю заказ, даже если за ним большие деньги. Не могу, не могу делать вещи, которые кажутся мне противоестественными.

— Если верить тому, что «архитектура — застывшая музыка», что, по-вашему, слышно в центре и на окраинах?

— Поговорили о пятиэтажках — никто ими всерьез не занимается. А если людей переселяют, то в дома из того же железобетона. Став 25-этажной, пятиэтажка лучше не сделается. К тому же въезжать надо в неотделанные квартиры, значит, тратить свои деньги, которых нет.

Но и благополучный центр тоже деградирует. В нескольких метрах от вашего дома могут построить еще один. Это запрещено, и это делается, потому что опять-таки побеждает сильный. Я уж не говорю о чудовищной загазованности улиц. Так что можно фасады мрамором отделывать — дольше продержится, но все равно это пузыри, а не жизнь.

— Как вы думаете, что скажут о нынешней архитектуре лет через двадцать?

— Коммерческая архитектура никогда не давала подлинных результатов. Я достаточно хорошо знаю Главного архитектора Москвы, этот человек мне симпатичен, но в будущем его период назовут реакционным в силу зависимости от конъюнктуры. Демократия, и это очень привлекательно, — объявила свободу для любого стиля, но настолько сильно давление моды или ситуации, что оно оказывается сильнее прежнего партийного идеологического давления. Сейчас архитектор скован больше, чем в те времена, когда строил панельные дома. Очень трудно выбраться из этого круга. Это давление испытывают все. И не хватает профессиональной солидарности, чтобы с этим бороться.

Наталья КРАМИНОВА
Фото Сергея ЗОНИЧЕВА